

В. В. Нуркова

Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, ИОН РАНХиГС

ПРОБЛЕМА ЭМПАТИИ В ОПТИКЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-29-07069

Излагается авторская концепция выделения двух видов эмпатии по своеобразию их функций, структуры и генезиса – эмпатии-отождествления (ЭО) и эмпатии-моделирования (ЭМ). Аргументируется, что ЭО функционирует как психологический инструмент организации совместной деятельности типа монархической коалиции, а ЭМ представляет собой культурную технологию поддержания совместной деятельности типа полиархической кооперации. Следствием концептуального разведения ЭО и ЭМ является положение о двух линиях их становления в антропо- и онтогенезе, что требует экспликации арсенала задающих социальную ситуацию их развития идеальных форм, культурных средств и технологий.

Проведенная аналитическая работа базируется на широком определении эмпатии, как совокупности психологических и поведенческих ответов на опыт другого человека [8, с. 20]. Анализ литературы показал, что магистральной тенденцией в практике исследований эмпатии является стремление интегрировать релевантную эмпатии феноменологию в целостные модели, среди которых доминируют модели «двух процессов» [9, 10, 13]. Особенностью таких моделей является попытка свести в одной жесткой теоретической конструкции два, на мой взгляд, качественно своеобразных по функциональной нагрузке (и, соответственно, по механизмам осуществления) способа освоения психического состояния другого человека. Методологической проблемой видится также разделение эмпатии по форме итогового психического процесса на эмоциональную и когнитивную. В том случае, если результатом эмпатии становится «замена» собственного содержания сознания «чужим», так, что эмпатирующий субъект переживает эпизод психологического тождества со своим объектом, говорят об эмоциональной эмпатии, а наиболее близкими ей понятиями полагаются «эмоциональное заражение», «эмоциональная мимикрия», «эмоциональная имитация». В противоположность этому, когда результатом эмпатии становятся своеобразное ментальное «расщепление», то есть, одновременное сосуществование двух качественно различных перспектив, где сознание эмпатирующего субъекта стремится познать репрезентированную в нем самом модель состояния сознания другого, авторы называют её когнитивной. Последний тип эмпатии сближают с такими понятиями как «эмоциональный интеллект», «теория психического», «ментализация», «mind-

reading», «perspective-taking», что позволяет позиционировать эмпатию в качестве одного из метакогнитивных процессов.

Я убеждена, что дихотомия когнитивных и эмоциональных процессов, преодоленная культурно-исторической психологией в положении о единстве аффекта и интеллекта в системе высших психологических функций (ВПФ) [[1, с. 251](#)], затемняет истинный антропологический смысл эмпатии как культурной технологии организации качественно специфичных форм совместной деятельности с учетом состояния и интенций другого психологического субъекта. Без её теоретического преодоления невозможно верно понять задачи и репертуар средств преобразования натуральных предпосылок эмпатии в культурно востребованные формы сопереживания в процессе деятельности.

В логике Л.С. Выготского была сформулирована функциональная гипотеза, конкретизирующая антропогенетические задачи эмпатии [[6](#)]. Согласно моей позиции, таким функционалом является культурная технология организации двух качественно специфичных форм совместной деятельности: моноролевой коалиции (в рамках которой члены группы действуют идентично, как единый субъект) и полиролевой кооперации (в рамках которой члены группы реализуют качественно различные действия для достижения общей цели). Для решения первой задачи с помощью эмпатии осуществляется «захват» аффективного содержания чужого сознания, что ведет к автоматической актуализации адекватных этому состоянию действий ценой утраты автономной субъектности. Данный тип эмпатии наиболее корректно обозначить термином «эмпатия-отождествление» (ЭО).

Напротив, вторая задача предполагает противопоставленность в акте эмпатии познающего и познаваемого субъектов и поэтому назван «эмпатией-моделированием» (ЭМ). Функциональная направленность ЭО как регулятора моноролевого совместного поведения сходна для человеческого общества и сообществ высокоорганизованных видов животных, что ни в коей мере не означает идентичности натуральной и культурной форм ЭО у взрослого человека. В тоже время фасилитация полиролевой деятельности через ЭМ представляется уникальным цивилизационным достижением, совершенствующимся с развитием культуры. Следствием гипотезы о различных функциях и различных культурно-эволюционных источниках генеза ЭО и ЭМ является тезис о своеобразии систем сообразных им культурных средств при становлении ЭО и ЭМ как высших психических функций.

Сформулированная мной функциональная трактовка эмпатии позволяет выдвинуть положения о том, что: 1) ЭМ не возникает из ЭО как следующая стадия развития эмпатии; 2) состояние ЭО не является материалом для преобразования механизмами ЭМ; 3) ЭО и ЭМ, представляя собой качественно различные состояния сознания, динамически модерируют друг друга при решении различных культурно детерминированных задач, в том числе потенциально «обмениваясь» культурными средствами регуляции. При этом базовый для культурно-исторического подхода принцип замещения психических функций [[2, с. 15](#)] может реализовываться как взаимодействие ЭО и ЭМ в статусе

компонентов «системы сотрудничающих функций» [2, с. 16]. Они также могут включаться в психологические системы иных высших функций, например, мнемических (как субъективный субстрат «теории психического» или как формообразующие факторы автобиографических воспоминаний). На основе методологии культурно-исторического подхода делается вывод, что ЭО и ЭМ имеют две различные линии культурного развития, которые только на определенном этапе могут пересечься, так что потенциально сформируют единое психологическое новообразование (по аналогии с развитием мышления и речи в концепции Л.С. Выготского), и тогда ЭО приобретет атрибут рефлексивности, а ЭМ войдет в поле смысловой регуляции. Несомненно, такое пересечение мыслимо лишь по достижении знаково опосредствованного и произвольного уровня их регуляции.

Целью следующего этапа аналитической работы над данной проблемой стала экспликация качественного своеобразия ЭО и ЭМ в отношении социальных ситуаций их развития и арсенала культурных средств и технологий, задающих содержание и траекторию этого развития. Поскольку разрабатываемая концепция не предполагает отношений преемственности между ЭО и ЭМ ни в онтогенезе, ни в актуалгенезе, то как ЭО, так и ЭМ в своем развитии должны закономерно и последовательно проходить все этапы становления ВПФ.

Основным пунктом критики распространенного взгляда на эмоциональную эмпатию, как натуральную форму ЭО [3] для меня является «проблема соотношения», заключающаяся в отсутствии врожденной связи между экспрессией других людей и своими собственными состояниями (исходно ребенок не знает, как выглядит радость, страх, удивление) [12]. В связи с этим, триггером развития ЭО выступает культурная технология «аффективного отзеркаливания» взрослым мимики и пантомимики ребенка, описанная Сесилией Хейес, что формирует у ребенка «вертикальные» ассоциативные связи между наблюдаемым проявлением эмоционального состояния и переживаемой им самой эмоцией [см. 5]. Следующим этапом формирования ЭО как ВПФ является означивание эмоциональных состояний другого сначала в наглядном плане, а затем, в вербальном. Дальнейшее развитие ЭО происходит в игровой деятельности, вовлекающей детей в идентификацию с героями сказочных сюжетов. Обоснованный Л.С. Выготским принцип замещения функций в данной линии развития эмпатии реализуется в переходе ключевой роли к процессам воображения [4].

Отмечу, что ЭО редко становится полностью произвольно регулируемой функцией, оставаясь во многом обусловленной доступными внешними культурными средствами. Как верно указывает Т.Д. Карягина [3, с. 46-47], самоконтроль при нахождении в состоянии ЭО представляет существенную трудность и для взрослого человека, поэтому обеспечивается преимущественно системой внешних средств, таких как жесткая и детальная ритуализация наиболее располагающих к ЭО ситуаций. В качестве другого средства контроля ЭО, следует рассматривать культурные развивающие практики гиперстимуляции в условных контекстах (например, просмотр боевиков,

фильмов ужасов), не просто снижающие порог активации ЭО, но обучающих приемам «эмпатийного дистанцирования» от ситуации («как будто в кино»).

В отличие от ЭО, ЭМ производна от диалогической природы мышления человека и в широком смысле представляет собой результат процесса интериоризации опосредствованного речью диалога со взрослым [11]. В онтогенезе ЭМ формируется по двум сходящимся линиям. С одной стороны, овладение ментальным лексиконом служит основой «эмоциональной грамотности». Важно подчеркнуть, что появление слов-маркеров психических состояний в коммуникации со взрослым должно иметь опережающий актуальное развитие ребенка характер. С другой стороны, ЭМ является результатом интериоризации специфической социально-коммуникативной позиции - самоименования себя взрослым от третьего лица в роли ментального субъекта, которая выступает конкретной идеальной формой ЭМ. Заимствуя эту форму на этапе эгоцентрической речи и исполняя её в третьем лице сначала в адрес взрослого, а, затем, и в адрес себя (например, «Петя любит мороженое»), ребенок овладевает особым форматом отношения между воспринимаемым образом человека и его непосредственно ненаблюдаемыми состояниями. Центральной практикой овладения указанными выше диалогическими техниками восприятия и мышления является сюжетно-ролевая игра с субъективным «одушевлением» игрушки как ведущая деятельность дошкольника. В более старшем возрасте в качестве культурных практик развития ЭМ выступают различные формы драматизации, в частности, участие в театральной самодеятельности.

Таким образом, функциональный фокус ядра предложенной научно-исследовательской программы изучения эмпатии при реализации методологии культурно-исторического подхода, открывает перспективу раскрытия культурных средств и психологических механизмов становления эмпатии, антропологической задачей которой является достижение ассоциированной или диссоциированной позиций субъекта и объекта эмпатии в контексте общения и разворачивающейся совместной деятельности.

Список использованных источников и литературы

- 1 Выготский, Л. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5: Основы дефектологии / под ред. Т. А. Власовой. – М. : Педагогика, 1983. – 368 с.
- 2 Выготский, Л. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6: Научное наследие / под ред. М. Г. Ярошевского. М. : Педагогика, 1984. – 400 с.
- 3 Карягина, Т. Д. Проблема формирования эмпатии / Т. Д. Карягина // Консультативная психология и психотерапия. – 2010. – № 1. – С. 38–54.
- 4 Кудрявцев, В. Т., Ребенок на пороге ученичества: воображение как условие развития общения старших дошкольников / В. Т. Кудрявцев, Д. И. Фаттахова // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2015. – № 2. – С. 87–97.
- 5 Нуркова, В. В. Эволюционный поворот культурно-исторической психологии и теория когнитивных гаджетов: аналоги или гомологи? / В.

В. Нуркова // Вопросы психологии. – 2019. – № 4. – С. 29–40.

6 Нуркова, В. В. Эмпатия-отождествление и эмпатия-моделирование: о культурном конструировании двух модусов совместной деятельности / В. В. Нуркова // Вопросы психологии. – 2020. – Т. 66, № 3. – С. 1–13.

7 Нуркова, В. В. Культурное развитие эмпатии-отождествления и эмпатии-моделирования / В. В. Нуркова // Национальный психологический журнал. – 2020. – Т. 40, № 4. – С. 3–17.

8 Davis M. Empathy // Tiedens L., Leach C. (eds.). The Social Life of Emotions (Studies in Emotion and Social Interaction. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. P.19-42.

9 Decety J., Jackson P. L. The functional architecture of human empathy // Behav. and Cognitive Neurosci. Rev. 2004. V. 3 (2). P. 71–100.

10 Dvash J., Shamay-Tsoory S. G. Theory of mind and empathy as multidimensional constructs: Neurological foundations // Topics in Language Disorders. 2014. V.34(4). P. 282-295.

11 Fernyhough C. Getting Vygotskian about theory of mind: Mediation, dialogue, and the development of social understanding // Developmental review, 2008. N28 (2). P. 225–262.

12 Heyes C. Empathy is not in our genes // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2018. N 95. P. 499-507.

13 Wondra J. D. An appraisal theory of empathy and other vicarious emotional experiences / J. D. Wondra, P. C. Ellsworth // Psychological review. 2015. Vol.122(3). P. 411–428.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ